

Воскресенский Г. А. По поводу пятидесятилетия со дня кончины Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского († 21 февраля и 12 апреля 1852 г.) // Богословский вестник 1902. Т. 1. № 3. С. 596–620 (2-я пагин.).

По поводу пятидесятилѣтія со дня кончины Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского.

(† 21 февраля и 12 апрѣля 1852 г.).

Значеніе пятидесятилѣтняго юбилея писателей. Сочиненія ихъ становятся достояніемъ всеобщимъ, входятъ въ народъ. Юбилейное чествованіе—естественная и вполне законная дань признательности благодарнаго потомства къ великимъ художникамъ слова. Жуковский въ исторіи русской литературы. Юбилейные праздники писателей служатъ побужденіемъ къ болѣе глубокому изученію ихъ жизни и эпохи. Желательность новыхъ матеріаловъ и новыхъ изслѣдованій о Жуковскомъ и Гоголѣ. Недостаточно выясненныя стороны личности Гоголя. Былъ ли „переломъ“ въ основныхъ воззрѣніяхъ Гоголя? Мнѣнія о нравственныхъ качествахъ характера Гоголя и о степени его теоретическаго развитія. Какіе факторы способствовали развитію въ Гоголѣ наклонности къ реализму? Великое значеніе петербургскихъ повѣстей, „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“ Гоголя. Гоголь—основатель и глава новаго періода русской литературы.

Въ февралѣ текущаго года Россія торжественно чествовала память великаго писателя Н. В. Гоголя по поводу пятидесятилѣтія со дня его кончины († 21 февраля 1852 г.), а въ апрѣлѣ будетъ чествовать по тому же случаю другаго писателя В. А. Жуковскаго († 12 апрѣля 1852 г.).

По отношенію къ писателямъ пятидесятилѣтній юбилей имѣетъ тотъ особый смыслъ, что сочиненія ихъ перестаютъ, по нашимъ законамъ о печати, быть собственностію наследниковъ или тѣхъ, кому переданы права на нихъ, становятся достояніемъ всеобщимъ: ихъ имѣетъ право издавать и частями и полнымъ собраніемъ каждый, и каждый, конечно, для своей же выгоды старается продавать ихъ возможно дешевле. Становясь общедоступными въ удешевлен-

ныхъ изданіяхъ, сочиненія писателей естественно окажутъ могущественное дѣйствіе на умы и сердца многочисленныхъ читателей. Гоголь приблизится теперь къ народу, войдетъ въ народъ, какъ входитъ въ народъ Пушкинъ. Припомнимъ, что въ первые же годы послѣ пятидесятилѣтія со дня кончины Пушкина († 29 января 1837 г.) сочиненія его разошлись болѣе чѣмъ въ миллионъ экземпляровъ. Къ нынѣшнему юбилею Гоголя заготовлены и вышли многія удешевленные изданія, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ роскошное трехтомное полное собраніе сочиненій Гоголя съ его біографіей, примѣчаніями, обильными иллюстраціями, редактированное проф. А. И. Кирпичниковымъ (свыше полуторы тысячи страницъ, ц. 3 р. 50 к.) и однотомное собраніе сочиненій подъ тою же редакціей (ц. 80 к.), а также однотомное полное собраніе сочиненій изд. А. Панафидина подъ редакціей П. В. Смирновскаго (большой компактный томъ въ 800 страницъ, ц. 1 р. 75 к.) и изданіе петербургской фирмы „Народная польза“ подъ редакціей Е. Ляцкаго, съ иллюстраціями и вводными статьями академика А. Н. Пыпина, Е. Ляцкаго и Г. Вѣтринскаго. Выпущены удешевленные полныя изданія отдѣльныхъ произведеній Гоголя съ иллюстраціями и безъ оныхъ, наконецъ цѣлая серія иллюстрированныхъ дешевыхъ брошюръ для народа выпущена въ свѣтъ товариществомъ И. Д. Сытина.

Юбилейное чествованіе есть естественная и вполне законная дань признательности благодарнаго потомства къ великимъ художникамъ слова, проповѣдникамъ истины, добра и красоты,—вполнѣ законная дань по отношенію къ чествуемымъ нынѣ писателямъ, какъ къ Гоголю (можетъ ли быть объ этомъ споръ!), такъ и къ Жуковскому. Въ самомъ дѣлѣ въ лицѣ Жуковскаго русское общество имѣло перваго по счету поэта въ подлинномъ смыслѣ этого слова, поэта, котораго полюбило не вслѣдствіе доводовъ риторики или прихоти моды, какъ оно любило раньше Ломоносова, Хераскова, Державина и другихъ, а потому, что истинный талантъ ударилъ по сердцамъ, расшевелилъ поэтическія струны, живущія въ душѣ и самыхъ трезвыхъ, самыхъ прозаическихъ людей. До Жуковскаго такой поэзіи не существовало на Руси. Жуковскій былъ первымъ истиннымъ поэтомъ новаго періода русской литературы,—поэтомъ, у котораго къ боль-

шому дарованію присоединялась глубокая вѣра въ нравственное назначеніе поэзіи и который дѣйствительно жилъ въ своей поэзіи. Говоря о своей молодости, Жуковскій въ одномъ стихотвореніи сказалъ:

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе слетало
Съ небесъ незваное ко мнѣ;
На все земное наводило
Животворящій лучъ оно,
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія—одно.

Эта связь никогда не прекращалась и впоследствии. Жуковскій былъ первымъ типомъ писателя, для котораго поэзія не была прихотью таланта, развлеченіемъ досуга, тѣмъ болѣе пинтическимъ ремесломъ, но истиннымъ призваніемъ. Высокое представленіе о достоинствѣ поэзіи, нравственное ея значеніе первый указалъ въ литературѣ Жуковскій. Въ концѣ второй части поэмы Жуковскаго „Агасверъ, вѣчный жидъ“ встрѣчаемъ замѣчательныя строки о значеніи поэзіи. Вѣчный жидъ, Агасверъ, изображая свое одинокое положеніе во вселенной, говорить, что видимыя имъ чудеса природы отзываются въ его душѣ молитвою, а съ нею

Сливается нерѣдко вдохновенье
Поэзіи; поэзія—земная
Сестра небесныхъ молитвы, голосъ
Создателя, изъ глубины созданья
Къ намъ исходящій чистымъ отголоскомъ
Въ гармоніи восторженнаго слова,

Въ драматической поэмѣ „Камозэнсъ“, частію переведенной, частію передѣланной (въ 1838 г.) изъ Фр. Гальма, Жуковскій влагаетъ въ уста умирающаго Камозэнса слова, составляющія его собственную задушевную мысль,—слова, которыя подписалъ и на своемъ портретѣ, присланномъ въ то же время изъ Венеціи Зейдлицу:

Поэзія есть Богъ—въ святыхъ мечтахъ земли!

И въ той же поэмѣ молодой поэтъ говорить словами Жуковскаго:

Нѣтъ, нѣтъ, не счастья, не славы здѣсь
Ищу я, быть хочу крыломъ могучимъ

.....
 Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
 И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
 Которою предъ нами горній міръ
 Задержнуть, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
 Ее приподымать и святость жизни
 Являть во всей ея красѣ небесной—
 Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!

Поэты, засвѣтивъ свой огонь на маякѣ, который возжень
 самимъ Создателемъ, будутъ

... во всѣхъ странахъ и временахъ
 Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми;
 При блескѣ ихъ, чтобъ труженикъ земной
 Ни испыталъ—душой онъ не падеть,
 И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ.

Романтизмъ Жуковскаго, явившійся на смѣну полной
 фальши ложноклассической школы, имѣлъ, конечно, свои
 условности и крайности (любовь къ среднимъ вѣткамъ, меч-
 тательность, наивность, мистицизмъ), но онъ силенъ былъ
 тѣмъ, что обращался къ живому человѣческому чувству.
 Историческое значеніе сочиненій Жуковскаго, и именно его
 переводовъ произведеній нѣмецкой и англійской литературы,
 не подлежитъ никакому сомнѣнію. Уже одно то, что Жу-
 ковскій своими прекрасными стихотвореніями доставлялъ
 своимъ читателямъ высокое эстетическое наслажденіе, дол-
 жно быть поставлено ему въ немалую заслугу. Такого изящ-
 наго, музыкальнаго стиха, такого чистаго правильнаго, об-
 разнаго и вмѣстѣ сжатаго, сильнаго языка еще не было
 слыхано въ русской литературѣ. Невольно припоминается от-
 зывъ Пушкина о стихахъ Жуковскаго:

Его стиховъ плѣнительная сладость
 Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
 И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
 Утѣшится безмолвная печаль,
 И рѣзвая задумается радость.

За тѣмъ, поэтическій матеріалъ, заимствованный Жуков-
 скимъ изъ самыхъ образованныхъ литературъ, переданный
 въ возможномъ совершенствѣ, не могъ не приобрѣсти извѣст-
 ной цѣнности для молодой русской литературы. Жуковскій

перенесъ къ намъ цѣлый міръ новыхъ идей, ощущеній и образовъ, оживилъ чувство простыхъ красотъ природы, возстановилъ связь между стремленіями высшей культуры и наивными вѣрованіями и преданіями старины и вообще оживилъ русскую поэзію живымъ и чистымъ чувствомъ. Вліяніе поэзіи Жуковскаго, безъ сомнѣнія, было во многихъ отношеніяхъ благотворное. Въ меланхолическомъ тонѣ его поэзіи высказывались мягкая человѣчность, задушевное чувство, возвышенные нравственные идеалы. Живое доказательство значенія Жуковскаго для послѣдующаго поколѣнія представляетъ Пушкинъ. Давно уже высказывалось въ литературѣ, что Жуковскій вмѣстѣ съ Батюшковымъ подготовилъ появленіе Пушкина. И это правда. Что до Жуковскаго, то стоитъ вспомнить, что когда Пушкинъ поступилъ въ царскосельскій лицей, были уже извѣстны нѣкоторыя изъ произведеній, прославившихъ Жуковскаго, другія появились во время пребыванія Пушкина въ лицей, такъ что уже ранніе опыты его возникали подъ вліяніемъ вдохновеннѣйшаго пѣвца Людмилы, Свѣтланы и Громобоя. Самъ Пушкинъ называетъ Жуковскаго „наставникомъ, пѣстуномъ и хранителемъ своей вѣтренной музы“.

Но и помимо великихъ историко-литературныхъ заслугъ, произведенія Жуковскаго и въ наше время сохраняютъ неуывающую, юношескую свѣжесть. „Мечтательная грусть, унылая мелодія,—говоритъ Бѣлинскій,—задушевность и сердечность, фантастическая настроенность духа, безвыходно погруженнаго въ самомъ себѣ,—вотъ преобладающій характеръ поэзіи Жуковскаго, составляющій и ея непобѣдимую прелесть и ея недостатокъ, какъ всякой неполноты и всякой односторонности. Жуковскій діаметрально противоположенъ Державину, и хотя содержаніе и тонъ поэзіи Жуковскаго суть экзотическія растенія въ отношеніи къ русской поэзіи, переселенцы съ чуждой почвы, изъ-подъ чужаго неба, однако, вопреки толкамъ и крикамъ поборниковъ народности въ поэзіи, Жуковскій—поэтъ не одной своей эпохи: его стихотворенія всегда будутъ находить отзывъ въ юныхъ поколѣніяхъ, приготавливающихся къ жизни и еще только мечтающихъ о жизни, но не знающихъ ея“ ¹⁾... „Неизмѣримъ

¹⁾ Сочиненія, ч. 6, М. 1860, стр. 227.

подвигъ Жуковскаго и велико значеніе его въ русской литературѣ—говоритъ Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ. Его романтическая муза была для дикой степи русской поэзіи элевзинскою богинею Церерою: она дала русской поэзіи душу и сердце, познакомила ее съ таинствомъ страданія, утратъ, мистическихъ откровеній и полнаго тревоги стремленія „въ оный таинственный свѣтъ“, которому нѣтъ имени, нѣтъ мѣста, но въ которомъ юная душа чувствуетъ свою родную, завѣтную сторону ¹⁾“. Пушкинъ и Гоголь, какъ извѣстно, весьма высоко цѣнили поэзію Жуковскаго, а другіе (какъ наприм. Плетневъ и Никитенко) возводили ее въ настоящій апофеозъ: пониманіе нравственнаго значенія поэзіи у Жуковскаго они представляли какъ ея высшее опредѣленіе, какъ настоящее откровеніе, художественное и нравственное. Въ общемъ заслуги Жуковскаго могутъ быть формулированы такъ. Онъ познакомилъ русское общество съ міромъ европейской романтики. По выраженію Бѣлинскаго, Жуковский—„литературный Коломбъ Руси, открывшій ей Америку романтизма въ поэзіи“ ²⁾. Жуковский далъ образцы задушевной поэзіи, говорившей изящнымъ языкомъ и впервые создалъ возвышенное представленіе объ источникѣ и назначеніи поэзіи.

Юбилейные праздники писателей—въ высшей степени отрадныя явленія въ нашей русской жизни. вмѣстѣ съ внѣшними проявленіями чувствъ признательности къ памяти художниковъ слова, до названія ихъ именами школъ, улицъ и постановки имъ памятниковъ включительно, они обыкновенно служатъ толчкомъ и побужденіемъ къ болѣе глубокому и всестороннему изученію и освѣщенію жизни, литературной дѣятельности писателя, его эпохи. Припомнимъ, что только послѣ столѣтняго юбилея Ломоносова со дня его кончины († 4 апрѣля 1765 г.) сталъ выясняться настоящій образъ его какъ знаменитаго ревнителя и истиннаго поборника русскаго просвѣщенія, только послѣ 1865 года согласно признали, что на Ломоносова нельзя смотрѣть отдѣльно только какъ на поэта или какъ на ученаго, какъ смотрѣли раньше, а что въ исторіи русскаго просвѣщенія одинаково

¹⁾ Сочиненія, ч. 8, стр. 247.

²⁾ Тамъ же, ч. 6, стр. 286.

важное значеніе имѣеть и ученая и литературная его дѣятельность. Пушкинскія празднества 1880, 1887 и 1899 годовъ были весьма плодотворны для изученія поэзіи Пушкина. Да это и понятно. Сколько обыкновенно на юбилеяхъ произносится рѣчей! Сколько ко времени юбилеевъ собирается и издается новыхъ матеріаловъ! Сколько является специальныхъ изслѣдованій о юбилярѣ и его эпохѣ! Такъ и въ данномъ случаѣ къ юбилеямъ Гоголя и Жуковскаго въ журналахъ и газетахъ стали появляться болѣе или менѣе обширныя посвященныя имъ статьи, устроены въ разныхъ мѣстахъ Жуковско-Гоголевскія выставки, явились многія новыя изданія сочиненій Гоголя.

Пожелаемъ, чтобы новыя матеріалы и новыя изслѣдованія принесли какъ можно болѣе важнаго и существеннаго и для общей оцѣнки, и для раскрытія частныхъ сторонъ дѣятельности чествуемыхъ писателей. Вчастности, мы доселѣ не имѣемъ полнаго критическаго изданія сочиненій Жуковскаго; затѣмъ, тщательное изслѣдованіе переводовъ Жуковскаго въ связи съ западно-европейскими оригиналами, равно какъ вновь открываемыя письма его, дневники и прочія бумаги могли бы полнѣе и ярче освѣтить тѣ различныя иноземныя вліянія, которымъ по очереди поддавалъ Жуковский съ ранней юности, сообразно различнымъ переходамъ отъ одной литературной школы и ея воззрѣній къ новымъ воззрѣніямъ и теоріямъ.

Еще болѣе желательны и необходимы новыя матеріалы и новыя изслѣдованія о Гоголѣ. Какъ еще не далеко то время, когда мы были можно сказать совершенно бѣдны по части изученія Гоголя! Не было ни полнаго критическаго изданія его сочиненій, ни обстоятельной біографіи, ни полной и цѣльной критической оцѣнки его сочиненій, когда единственнымъ крупнымъ (и дѣйствительно цѣннымъ) біографическимъ трудомъ о Гоголѣ были „Записки о жизни Н. В. Гоголя“, изданныя въ С.-Петербургѣ въ двухъ томахъ въ 1856—1857 гг. П. А. Кулишемъ (подъ псевдонимомъ Николай М*)¹⁾. Правда, въ послѣдніе годы Гоголю у насъ очень посчастливилось. Мы имѣемъ теперь образцовое критическое со-

¹⁾ П. А. Кулишу принадлежит также изданіе: „Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. Т. 1—6, СПб. 1857“.

браніе „Сочиненій Н. В. Гоголя“, изданіе 10-е, томы I—V, подъ редакціей Н. С. Тихонравова, М. 1889—1890; томы VI—VII, по плану и матеріаламъ Н. С. Тихонравова изданные Вл. И. Шенрокомъ, Спб. 1896 ¹⁾. Имѣемъ возможно-полное собраніе „Писемъ Н. В. Гоголя“, подъ редакціей В. И. Шенрока, т. I—IV. Спб. 1901 (изданіе Маркса). Въ лицѣ г. Шенрока Гоголь нашель усерднаго и талантливаго біографа. Имъ изданы „Матеріалы для біографіи Гоголя“, томъ I—IV, М. 1892—1897. А. Н. Пыпинъ ²⁾, А. Н. Веселовскій ³⁾ и др. раскрыли, вслѣдъ за Бѣлинскимъ и Ап. Григорьевымъ, художественное и общественное значеніе сочиненій Гоголя. Но всетаки остаются стороны недостаточно разработанныя. И прежде всего до сихъ поръ представляется недостаточно выясненною внутренняя жизнь Гоголя. Доселѣ спорять о свойствахъ міровоззрѣнія Гоголя, его теоретическихъ взглядовъ а) въ пору сильнѣйшаго проявленія его творческой дѣятельности и б) въ послѣднюю пору его жизни, когда онъ несомнѣнно осуждалъ плоды этой дѣятельности. Какъ произошелъ этотъ переходъ съ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, къ концу его жизни? Какъ мирились эти противоположныя настроенія въ одномъ человѣкѣ? Критика различно рѣшала это недоумѣніе. Поклонники Гоголя сначала думали, что въ немъ произошло нѣчто особенное, что въ дѣятельность писателя вмѣшались какія-то новыя вліянія, отклонившія его отъ прежняго славнаго пути, что нормальная жизнь писателя была нарушена и произошелъ „переломъ“ въ его мысляхъ и стремленіяхъ ⁴⁾. Казалось очевиднымъ, что Гоголь отрекся отъ самого себя, и сожженіе втораго тома „Мертвыхъ душъ“ еще разъ подтверждало это предположеніе. Позднѣе, изданіе переписки Гоголя, нѣсколько біографическихъ разсказовъ,

¹⁾ Томы I—V переизданы были (однако безъ объяснительныхъ статей и примѣчаній Н. С. Тихонравова, безъ вариантовъ и черновыхъ редакцій) А. Марксомъ въ видѣ приложенія къ „Нивѣ“, Спб. 1893.

²⁾ Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятихъ годовъ. Изд. 2-е, Спб. 1890, и—Исторія русской литературы, т. IV, Спб. 1899.

³⁾ Этюды и характеристики. Москва, 1894.

⁴⁾ Такъ кн. П. А. Вяземскій. Полное собр. соч. кн. Вяземскаго, Спб. 1879, т. II (1827—1851), статья „Языковъ и Гоголь“, стр. 318: „переломъ былъ нуженъ, но, можетъ быть, не такой внезапный, крутой“.

появившихся послѣ его смерти, болѣе спокойное изученіе его психологическихъ настроеній приводили къ другому заключенію: можно было найти нить, которая проходила чрезъ всю жизнь Гоголя, одну общую основу, которая идетъ еще съ молодыхъ лѣтъ и которая только въ своемъ крайнемъ и преувеличенномъ развитіи привела къ послѣднимъ болѣзненнымъ проявленіямъ въ эпоху „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“, „Авторской Исповѣди“ и послѣ. Этотъ взглядъ на развитіе личности Гоголя впервые высказанъ былъ въ „Современникѣ“, 1857, № 8, принятъ и раскрытъ Пыпинымъ и Шенрокомъ ¹⁾. По этому взгляду, въ личномъ развитіи Гоголя не было рѣзкихъ поворотовъ, крутого перелома, данныя характера и міровоззрѣнія Гоголя устанавливались еще въ его молодости. Въ фактахъ біографіи и особенно въ перепискѣ Гоголя можно прослѣдить постепенный ростъ его внутренняго содержанія. Это безъ сомнѣнія важнѣйшая сторона біографіи Гоголя.

Задатки такъ называемаго перелома въ Гоголѣ сороковыхъ годовъ были гораздо раньше, еще со временъ его дѣтства и юности. Въ средѣ и атмосферѣ, окружавшей дѣтство и юность Гоголя, таится разгадка многого, что потомъ такъ поразило въ Гоголѣ даже его почитателей, что считалось раньше результатомъ болѣзненнаго перелома. Оказывается, что тѣже тоны, которые такъ сильно звучатъ въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“, слышались въ семьѣ Гоголя еще до его рожденія. Старый біографъ Гоголя Кулишъ, приведя разсказъ матери нашего писателя Марьи Ивановны Гоголь о томъ, что ее указала мужу годовалымъ ребенкомъ Царица Небесная, замѣтилъ: „мнѣ кажется, что эти послѣднія слова характеризуютъ сферу первыхъ понятій и вѣрованій Гоголя болѣе, нежели все, что было мною до сихъ поръ сказано ²⁾“. И это правда. Фатализмъ отца нашего писателя Василия Аванасьевича Гоголь, позволившій ему въ выборѣ невѣсты руководствоваться сновидѣніемъ, былъ присущъ и его женѣ. Такъ, не имѣя совершенно денегъ, она задумала строить церковь и на возраженіе мужа, какъ же строить церковь, не имѣя денегъ, отвѣ-

¹⁾ Пыпинъ,—см. вышеназванные его труды.—Шенрокъ, Матеріалы для біографіи Гоголя.

²⁾ Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 18.

чала: „Богъ поможетъ ¹⁾“. Религіозность была одной изъ существенныхъ чертъ Марьи Ивановны Гоголь, какъ и всей окружающей среды. И безъ сомнѣнія мальчикъ Гоголь впитывалъ настроеніе среды. Въ письмѣ къ матери отъ 2 октября 1833 г. изъ С.-Петербурга Гоголь даетъ такую картину своего первоначальнаго и вѣднѣности религіознаго воспитанія. „Я очень хорошо помню, какъ меня воспитывали. Дѣтство мое до нынѣ часто представляется мнѣ. Вы употребляли все усиліе воспитать меня какъ можно лучше. Но къ несчастію родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями дѣтей своихъ... Я помню: я ничего сильно не чувствовалъ, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство. На все я глядѣлъ безстрастными глазами: я ходилъ въ церковь потому, что мнѣ приказывали. или носили меня, но стоя въ ней я ничего не видѣлъ, кромѣ ризъ, пона и противнаго ревѣнія дьячковъ. Я крестился потому, что видѣлъ, что всѣ крестятся. Но одинъ разъ—я живо какъ теперь помню этотъ случай—я просилъ васъ рассказать мнѣ о Страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно рассказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело въ послѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли“. Въ этомъ письмѣ любопытно признаніе Гоголя, что его позднѣйшее самолюбіе было до нѣкоторой степени слѣдствіемъ неумѣреннаго обожанія и излишней нѣжности, которыми окружала его молодая неопытная мать. „Вы были тогда еще молоды, въ первый разъ имѣли дѣтей, въ первый разъ имѣли съ ними обращеніе, и такъ могли ли вы знать, какъ именно должно приступить, что именно нужно“. — Въ дѣтскихъ и юношескихъ письмахъ Гоголя можно безъ труда отмѣтить раннее умѣнье владѣть слогомъ, склонность къ формамъ риторическимъ, даже вычурнымъ, къ резонерству. Вотъ первое письмо Гоголя, 10-ти лѣтняго мальчика, къ родителямъ изъ Полтавы. „Дражайшіе роди-

1) Шенрокъ, Матеріалы для біогра. Гоголя, т. 1, стр. 52.

тели, папенька и маменька! Я весьма радъ, что узналъ о благополучномъ здоровіи вашемъ. Я поставилъ для себя первымъ долгомъ и первымъ дѣйствиємъ молить Бога о сохраненіи безцѣннаго для меня здоровія вашего. Вакаціи быстро приближаются, я не успѣлъ еще окончить всего; слѣдовательно нужно заняться вакаціями, чтобы поспѣть съ честью во второй классъ. Учитель математики мнѣ необходимъ. Если Вы будете въ Полтаву сами скоро, то я увѣренъ, что все устроите для моей пользы. Цѣлуя безцѣнныя ручки ваши, имѣю честь быть, съ сыновнимъ моимъ къ вамъ высокопочитаніемъ, вашъ послушный сынъ, Николай Гоголь-Яновскій“. А вотъ поздравительное письмо 15-ти лѣтняго Гоголя къ матери изъ Нѣжина отъ 1 октября 1824 г. „Дражайшая маменька! Позвольте, дражайшая маменька, позвольте поздравить васъ съ днемъ ангела вашего, съ симъ блаженнѣйшимъ днемъ для каждаго нѣжнаго и благороднаго сына. Ваша родительская любовь и нѣжность, ваши благодѣянія, ваши о мнѣ попеченія, все сіе побуждаетъ меня приняться за перо, чтобы изъяснить вамъ свою благодарность. Но, къ несчастью, оно не столь твердо, силы мои такъ слабы, а о благодарности я и думать не могу: она не что иное есть, какъ слабая тѣнь, въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что я вамъ долженъ. Но если не имѣю возможности воздать вамъ болѣе, если мои силы не позволяютъ сдѣлать того, если уже и умъ мой отказывается отъ сего; то всякой на моемъ мѣстѣ пришелъ бы въ отчаяніе, бросилъ бы съ досады перо и не захотѣлъ бы ломать голову надъ тщетнымъ. Но я знаю, что вы и сіе малое мое желаніе примете съ искреннимъ удовольствіемъ, и тѣмъ вознаградите меня болѣе всего, могущаго прельстить взоры другого. И такъ, желая вамъ, чтобы вся жизнь ваша была безмятежна, исполнена всѣми возможными радостями, короче сказать, чтобы вы всегда были здоровы, благополучны и вѣчно веселы, остаюсь“ и т. д.—Для уясненія духовной личности Гоголя характерными представляются письма его къ матери отъ 23 апрѣля 1825 г. по поводу смерти отца и отъ 1 марта 1828 г. предъ выпускомъ изъ нѣжинской гимназіи. Вотъ какъ писалъ 16-ти лѣтній Гоголь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти отца: „Не безпокойтесь, дражайшая маменька! Я сей ударъ перенесъ съ твердостію истиннаго

христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ; однакожъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ. Оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолю, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему. Благословляю тебя, священная вѣра! Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести. Такъ, дражайшая маменька, я теперь спокоенъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга, всего драгоценнаго моему сердцу. Но развѣ не осталось ничего, чтобъ меня привязывало къ жизни? Развѣ я не имѣю еще чувствительной, нѣжной, добродѣтельной матери, которая можетъ мнѣ замѣнить и отца, и друга, и всего, что есть милѣе, что есть драгоценнѣе? Такъ, я имѣю васъ, и еще не оставленъ судьбою. Вы однѣ теперь предметомъ моей привязанности, однѣ, которыя можете утѣшить печальнаго, успокоить горестнаго. Вамъ посвящаю всю жизнь свою. Буду услаждать Ваши каждая минуты. Сдѣлаю все то, что можетъ сдѣлать чувствительный, благодарный сынъ. Ахъ, меня беспокоитъ болѣе всего ваша горестъ! Сдѣлайте милость, уменьшите ее, сколько возможно, такъ, какъ я уменьшилъ свою. Прибѣгните, такъ, какъ я прибѣгнулъ, къ Всемогущему. Зачѣмъ я теперь не съ вами? вы бы были утѣшены. Но чрезъ полтора мѣсяца каникулы—и я съ вами! До тѣхъ поръ уменьшите хоть немного свою печаль. Не забудьте, что съ вашимъ благополучіемъ соединено благополучіе и вашего сына.—Въ письмѣ отъ 1 марта 1828 г., отвѣчая на упреки матери въ небрежности, опрометчивости, мечтательности, увлеченіяхъ и даже порокахъ, Гоголь пишетъ: „Что касается до бережливости въ образѣ жизни, то будьте увѣрены, что я буду умѣть пользоваться малымъ. Я больше испыталъ горя и нужды, нежели вы думаете; я нарочно старался у васъ всегда, когда бывалъ дома, показывать разсѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обтерся, что мало былъ прижимаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагоприятностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго пре-

зрѣнія и проч. Все выносишь я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слышалъ моихъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ; никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ... Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ—угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., въ третьемъ—болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, у иныхъ—умень, у другихъ—глупъ. Какъ угодно почитайте меня, но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящій мой характеръ ¹⁾. Любопытно, что здѣсь Гоголь сознается въ своей скрытности, въ привычкѣ прикрывать личиною безпечности и показной веселости настоящія свои чувства... Изъ разбора дѣтскихъ и юношескихъ писемъ Гоголя новѣйшій біографъ его дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „резонерство и реторика, обнаружившіяся еще въ дѣтской перепискѣ Гоголя и потомъ проявлявшіяся изрѣдка въ письмахъ (въ разсужденіяхъ о многихъ отвлеченныхъ и особенно религіозныхъ и другихъ важныхъ вопросахъ), наконецъ дошедшія до поразительныхъ размѣровъ въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“, были въ сущности не чужды его натурѣ и отчасти еще очень рано усвоены Гоголемъ извнѣ, но до поры до времени сдерживались и подавлялись могучимъ талантомъ и живою юношескою впечатлительностію, пока съ наступленіемъ возраста менѣе пылкаго и легче поддающагося сухой разсудочности, въ свою очередь не заглушили его“ ²⁾.

Такъ, крутого перелома не было, но развитіе давнихъ особенностей характера Гоголя, его религіознаго, общественнаго и художественнаго міровоззрѣнія еще съ конца тридцатыхъ годовъ стало принимать особенную складку, а въ сороковыхъ годахъ и прямо исключительный, даже болѣзненный характеръ ³⁾. Настроеніе послѣднихъ лѣтъ Гоголя сложилось изъ различныхъ данныхъ, дѣйствовавшихъ параллельно. Религіозность Гоголя, принявшая подъ конецъ

¹⁾ Шенрокъ, Письма Н. В. Гоголя, I, 7. 22—23. 26. 97—98.

²⁾ Шенрокъ, Матеріалы, I, стр. 120—121.

³⁾ Пыпинъ, Исторія рус. литер., IV, стр. 487.

мистическій характеръ, была его всегдашнею чертою. Постоянныя ссылки на высшія велѣнія, на особенное попеченіе Промысла Божія, управлявшаго его дѣлами, встрѣчаются уже въ юношескихъ письмахъ Гоголя къ матери. Во время своихъ продолжительныхъ стремленій найти опредѣленный родъ занятій по прїѣздѣ въ Петербургъ, Гоголь не переставалъ постоянно надѣяться на собственныя силы и на помощь Божію. На неудачи свои онъ смотрѣлъ какъ на наказаніе за нарушение божественной воли. Собираясь ѣхать за границу въ 1829 году, онъ видитъ въ своихъ неудачахъ „налегшую на него справедливымъ наказаніемъ тяжкую Десницу Всемогущаго за то, что онъ хотѣлъ противиться вѣчно-неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ него, претворивъ его въ жажду ненасытимуую бездѣйственной разсѣянностью свѣта. Онъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспитать свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣивать благо и работать на пользу міра. И я осмѣлился откинуть эти Божественныя помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней между оими служащими, издерживающими жизнь такъ бесплодно! (Письмо къ матери отъ 24 іюля 1829 г.). Самую выдающуюся чертою въ юношескомъ міросозерцаніи Гоголя является именно это стремленіе отгадать въ событіяхъ своей жизни проявленіе Промысла Божія. Въ томъ же письмѣ отъ 24 іюля 1829 г., сказавъ о неудачахъ своихъ найти желаемый родъ службы, Гоголь продолжаетъ: „Не явный ли здѣсь надо мною Промыслъ Божій? Не явно ли Онъ наказывалъ меня этими всѣми неудачами, въ намѣреніи обратить на путь истинный?“ Безнадежная любовь къ неизвѣстной особѣ, не отвѣчавшей ему взаимностію, была, по его убѣжденію, очевиднымъ наказаніемъ за то, что онъ медлилъ цѣлыя мѣсяцы, упорствовалъ. „Въ умиленіи—пишетъ онъ здѣсь же—я призналъ невидимую Десницу, пекущуюся о мнѣ, и благословилъ такъ дивно назначаемый путь мнѣ“ (рѣчь идетъ о задуманной и рѣшенной имъ поѣздкѣ за границу).. Впрочемъ, вскорѣ же, въ первомъ письмѣ изъ за границы—отъ 13 августа 1829 г. (изъ Любека) Гоголь сознается, что онъ „напрасно старался

увѣрить самого себя, будто принужденъ былъ повиноваться волѣ Того, Который управляетъ нами свыше“. Здѣсь же онъ рисуеть свой собственный внутренній портретъ: „Часто я думаю о себѣ: зачѣмъ Богъ, создавъ сердце, можетъ, единственное, по крайней мѣрѣ рѣдкое въ мірѣ, чистую, пламеняющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачѣмъ Онъ далъ всему этому такую грубую оболочку? Зачѣмъ Онъ одѣлъ все это въ такую страшную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самага униженнаго смиренія? Но мой бранный разумъ не въ силахъ постичь великихъ опредѣленій Всевышняго“.. Тотчасъ по возвращеніи изъ заграницы въ Петербургъ Гоголь свою неудачную поѣздку приписываетъ уже внушеніямъ гордости: „Одни только гордые помыслы юности, прористекавшіе, однакожъ, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ, не будучи умѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко.. Богъ унизилъ мою гордость—Его святая воля!“ (письмо отъ 24 сентября 1829 г.).—Въ сороковыхъ годахъ Гоголь находился въ исключительномъ кругу друзей и корреспондентовъ съ постоянною проповѣдью о молитвѣ, о путяхъ Провидѣнія, о покаяніи и смиреніи, причемъ онъ самъ постоянно переходилъ отъ самообличенія и униженія къ высоко-мѣрному тону проповѣдника и моральнаго руководителя. Къ концу работы надъ первымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“ въ умѣ Гоголя, въ его фантази и религіозномъ чувствѣ успѣлъ сложиться образъ художника-аскета, который въ концѣ концовъ сполна имъ овладѣлъ. Шумный успѣхъ новаго произведенія убѣдилъ Гоголя, что онъ долженъ не только изображать данныя формы жизни, но давать уроки, и для этого направить свой трудъ на созданіе идеальныхъ лицъ, которыя бы могли служить ищущему уроковъ обществу нравственными и практическими образцами, а въ заключеніе ему мечталась какая-то блистательная картина, которая должна была принести „примиреніе“, потому что въ „примиреніи“ представлялась ему послѣдняя цѣль искусства. Съ точки зрѣнія художника-аскета ему стало казаться, что его прежнія произведенія заключали въ себѣ ошибку, что онѣ бывали легкомысленнымъ смѣхомъ, внушали раздраженіе и чуть ли не внушены тѣмъ злымъ духомъ, котораго нужно

было изгнать подвигами благочестія, чтобы возвыситься до истинной, священной задачи искусства. Онъ потомъ и отвергъ свои прежнія сочиненія ¹⁾. Такъ представляется развитіе личности Гоголя. Мы должны однако признать, что этотъ психологическій процессъ и доселѣ остается довольно темнымъ, допускаетъ разнорѣчивыя сужденія, личный характеръ Гоголя представляется слишкомъ сложнымъ.

Мнѣнія о характерѣ и нравственныхъ качествахъ Гоголя въ послѣдніе годы совершенно раздѣлились. Одни смотрятъ на него, какъ на человѣка во всѣхъ отношеніяхъ идеальнаго. Въ каждой строкѣ писемъ его видятъ прозрачную и неподдѣльную искренность, каждый поступокъ его объясняютъ различными высшими побужденіями,—однимъ словомъ, все въ немъ оправдываютъ, извиняютъ или же толкуютъ въ самую хорошую сторону. Другіе же, напротивъ того, предполагаютъ въ Гоголѣ множество антипатичныхъ чертъ въ видѣ черстваго эгоизма, напыщеннаго самолюбія, страсти загребать жаръ чужими руками, находятъ возмутительными отношенія его къ роднымъ и друзьямъ и т. д.

Нѣтъ доселѣ единства въ признаніи научнаго ценза Гоголя. Тогда какъ одни видятъ въ Гоголѣ серьезнаго русскаго мыслителя, учителя жизни и т. д., другіе напротивъ рѣшительно утверждаютъ, что Гоголь былъ человѣкъ мало образованный, что онъ будучи необычайно сильнымъ въ художественномъ творчествѣ, оставался тѣмъ не менѣе всю жизнь на слабой степени теоретическаго умственнаго развитія, что онъ едвали самъ разумѣлъ всю глубину тѣхъ общественныхъ явленій, которыя онъ отражалъ въ своихъ созданіяхъ, и тѣхъ общественныхъ вопросовъ, которые онъ задѣвалъ въ нихъ. Гоголь по этому взгляду былъ вполнѣ отсталымъ отъ своего времени человѣкомъ, „знанія его были случайны и отрывочны“, „теоретическія понятія его не шли дальше обиходнаго консерватизма“, „общественные взгляды его были крайне наивны“, въ своемъ общемъ взглядѣ на жизнь онъ не поднимался выше банальной „точки зрѣнія старинныхъ моралистовъ“ ²⁾.

¹⁾ Пыпинъ, Ист. рус. литер., IV, 494—496.

²⁾ Отзывы эти собраны въ книгѣ Пыпина: „Характеристики литературныхъ мнѣній“, изд. 2-е,—см. стр. 356—361, 374, 389, 416—417 и др.

Какъ видимъ, для рѣшенія многихъ вопросовъ и недомѣній относительно личности Гоголя необходимы и желательны новыя матеріалы и новыя изслѣдованія.

Въ лицѣ Гоголя Россія чествовала перваго истинно-народнаго художника слова, перваго писателя-реалиста, основателя и родоначальника новаго періода русской литературы. Но вотъ вопросъ: что ближайшимъ образомъ способствовало развитію въ гениальномъ писателѣ наклонности къ реализму? При объясненіи новѣйшихъ направленій русской литературы обыкновенно прибѣгаютъ къ западно-европейской литературѣ и ея образцамъ. И въ самомъ дѣлѣ, ложноклассицизмъ явился къ намъ съ Запада, сентиментализмъ, романтизмъ—оттудаже. Такъ не тамъ ли искать источника и реального направленія Гоголя? Не развилось ли въ немъ это реальное направленіе подъ вліяніемъ европейской литературы? На этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Гоголь ни дома, ни въ школѣ не овладѣлъ европейскими языками, и, сколько знаемъ, не имѣлъ случая и возможности воспитаться на идеалахъ европейскихъ поэтовъ и мыслителей. Такимъ образомъ, объясненія литературнаго направленія Гоголя мы должны искать изъ другихъ источниковъ... Но изъ какихъ? Въ рѣшеніи этого вопроса наблюдается очевидная крайность, когда всю литературную фізіономію Гоголя хотятъ объяснить исключительно малорусскимъ національнымъ характеромъ, рассовыми особенностями ¹⁾, отводя

¹⁾ А. Кояловичъ въ статьѣ „Дѣтство и юность Гоголя“ отмѣчаетъ „двѣ основныя стихійныя силы его характера: комизмъ и лиризмъ“ (см. Москов. Сборникъ, Шаралова, М. 1887, стр. 210). — Де-Вогюэ и Скабичевскій Гоголя-мыслителя называютъ представителемъ средневѣковаго міровоззрѣнія и возводятъ это послѣднее къ отдаленнымъ природнымъ атавистическимъ чертамъ: къ бездомному скитальчеству казака и аскетизму монаха. *Revue des deux Mondes*, 1885, 15 Novembre (статья Де-Вогюэ). Сѣверный Вѣстникъ, 1886, № 1, стр. 89—90: „Въ историческихъ повѣстяхъ и въ томъ числѣ въ повѣсти „Тарасъ Бульба“ особенно ярко высказался оригинальный взглядъ Гоголя на женщину, взглядъ, если хотите, вполне архаическій, допетровский, принадлежащій къ тѣмъ вѣкамъ, когда въ женщинѣ видѣли сосудъ діавола... Въ этомъ архаическомъ взглядѣ Гоголя на женщину сказалась его исключительная натура съ одной стороны казацкая, съ другой—религіозно-аскетическая“ (статья Скабичевскаго: „Нашъ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ“).

слишкомъ мало мѣста индивидуальнымъ чертамъ самого писателя, которыя вызваны складомъ его ума, наконецъ его болѣзненностію... Безъ сомнѣнія, юморъ Гоголя можно назвать въ немъ чертою племенною въ широкомъ смыслѣ слова и вчастности наслѣдственной: дѣдъ и отецъ его отличались, какъ извѣстно, юмористическими рассказами и анекдотами. За тѣмъ, благотворное вліяніе на Гоголя имѣла родная ему южнорусская поэзія, и съ благодарностію должно помянуть профессора М. А. Максимовича, перваго изъ профессоровъ, читавшаго курсъ по народной поэзіи и извѣстнаго собирателя южнорусскихъ пѣсень. Гоголь былъ знакомъ съ Максимовичемъ, переписывался съ нимъ и пользовался его указаніями по части изученія народныхъ пѣсень. Максимовичъ же понималъ южнорусскія думы, какъ исторію казачества. Подъ вліяніемъ Максимовича, народными думами и сказаніями Гоголь началъ пользоваться какъ историческими памятниками и по нимъ возсоздалъ многія части своего Тараса Бульбы. Только Максимовичъ могъ въ то время сообщить Гоголю взглядъ на народную поэзію, какъ на хранительницу фактовъ жизни реальной. Южнорусскія думы XVII вѣка, близкія по характеру къ сербскимъ историческимъ пѣснямъ, чуждыя всего миеологическаго, могли развивать въ Гоголѣ направленіе, наклонность къ реализму. Но и въ самой природѣ Гоголя было особенное расположеніе, склонность къ наблюденію надъ дѣйствительною жизнію. Это былъ талантъ, данный ему самою природою и направленный къ реализму. Объ этой своей склонности подробно говоритъ самъ Гоголь въ началѣ VI-й главы перваго тома „Мертвыхъ Душъ“. Вотъ это мѣсто. „Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишка, село ли, слободка, — *любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ*. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣніе какой нибудь замѣтной особености, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ-одинешенекъ торчавшій среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ обывательскихъ домиковъ; круглый ли правильный куполь, весь

обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ вы-
бѣленною, какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, фронтъ
ли уѣздный, попавшійся среди города,—*ничто не ускользало отъ
свѣжаго, тонкаго вниманія*, и, высунувши носъ изъ походной
телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой
какого нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями,
съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мель-
кавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками вы-
сохшихъ московскихъ конфектъ; глядѣлъ и на шедшаго въ
сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ
какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнув-
шаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожжахъ,—*и уносился мы-
сленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ*. Уѣздный чиновникъ
пройди мимо—*я уже и задумывался*: куда онъ идетъ, на ве-
черъ ли къ какому нубудь своему брату, или прямо къ себѣ
домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не
совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ
съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и
о чемъ будетъ вѣдѣть разговоръ у нихъ въ то время, когда
дворовая дѣвка въ монистахъ или мальчикъ въ толстой
курткѣ принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долго-
вѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ
какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высо-
кую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную
деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ из-
дали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя
трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока
разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады и онъ по-
кажется весь, съ своею, тогда, увы! вовсе не пошлою на-
ружностью, *и по немъ старался я угадать*: кто таковъ самъ
помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣ-
лыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ,
играми и вѣчною красавицей меньшею сестрицей, и черно-
глазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмурень, какъ
сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да
говорить про скучную для юности рожь и пшеницу“... Такъ,
у Гоголя была съ дѣтства необычайная наблюдательность
и впечатлительнасть къ предметамъ жизни. Въ этомъ не-
вольномъ инстинктивномъ стремленіи къ наблюденію и изу-
ченію жизни заключалась громадная сила таланта Гоголя.

Умѣнье понять человѣка, охарактеризовать составляло свойство, даръ Гоголя.—При такой особенноти природнаго дара Гоголя, при извѣстной его склонности и способности къ музыкѣ, живописи и театру, сильное вліяніе долженъ былъ оказать на него театр, устроенный его богатымъ дальнимъ родственникомъ Трощинскимъ въ своемъ имѣньѣ. Извѣстный дѣятель царствованія императрицы Екатерины II и императора Александра I Д. П. Трощинскій, въ числѣ другихъ забавъ, которыми окружалъ себя въ своемъ невольномъ бездѣйствіи (жилъ въ своемъ имѣньѣ Кибинцахъ съ 1806 по 1814-й и затѣмъ съ 1822 г.), завелъ домашній театр. Гоголь - отецъ былъ въ этомъ театрѣ режиссеромъ, актеромъ и даже драматургомъ. Здѣсь Гоголь-сынъ видѣлъ представленіе на сценѣ пьесъ своего отца, въ которыхъ дѣйствующія лица (въ комедіи „Романъ и Параска“) были скопированы съ живыхъ, дѣйствительныхъ лицъ, жившихъ тутъ же, служившихъ въ домѣ Трощинскаго. Отцовскія пьесы были первымъ матеріаломъ, которымъ воспользовался Гоголь-сынъ для своихъ первыхъ опытовъ. Въ гимназическомъ театрѣ, въ Нѣжинѣ, Гоголь-гимназистъ игралъ комическія роли, по отзывамъ товарищей, очень хорошо. Гоголь въ это время страстно увлекался театромъ... По свойству своего дарованія Гоголь былъ писатель - сатирикъ или точнѣе юмористъ. Такъ и самъ онъ смотрѣлъ на себя въ лучшей періодъ своей художественной дѣятельности. Въ первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ онъ жалуется на судьбу сатирика-писателя. „Другая—говоритъ онъ—(чѣмъ писателей, имѣющихъ дѣло съ положительными типами) судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи,— всю страшную, потрясающую тину мелочей, окутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ;... ему не позабыться въ сладкомъ обаяньи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, отъ современнаго суда, лицемѣрно - безчувственнаго современнаго суда, который

назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянные созданья, отведетъ ему презрѣнный уголь въ ряду писателей, оскорбляющихъ челоуѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце и душу, и божественное пламя таланта; ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озаряющія солнца и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія; ибо не признаетъ современный судъ, что высшій восторженный смѣхъ достоинъ стоять рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаетъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношеніе непризнанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участія, какъ безсемеинный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.—И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, *озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы!* 1). Начиная второй томъ, Гоголь говоритъ: „Зачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ въ государствѣ? Что-жь дѣлать, если уже таковы свойства сочинителя и, заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже и не можетъ изображать онъ ничего другого, какъ только бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? 2)“. Такъ, сатира или точнѣе юморъ составлялъ сущность таланта Гоголя, былъ руководящей стихіей его поэтическаго творчества, и какъ такой, долженъ былъ властно направлять его талантъ къ изученію и возсозданію жизненной правды.

Въ „Авторской Исповѣди“ Гоголь приводитъ слѣдующія обращенныя къ нему слова Пушкина: „Какъ съ этой спо-

1) „Мертвыя Души“, глава 7-я (въ началѣ).

2) „Мертвыя Души“, т. 2-я (въ исправленной редакціи).

способностью угадывать человека и несколькими чертами представлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение? Это просто грѣхъ!" Убѣждая Гоголя сдѣлать это, Пушкинъ приводилъ примѣръ Сервантеса, который только съ „Донъ-Кихотомъ“ занялъ свое высокое мѣсто въ литературѣ, — и тогда же Пушкинъ далъ Гоголю сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“. Гоголь принялъ къ сердцу и сюжетъ и совѣтъ Пушкина, и въ „Мертвыхъ Душахъ“ захватилъ русскую жизнь съ самаго корня, раскрылъ русскій характеръ до самой глубины его, приклеилъ на вѣки русскимъ недостаткамъ ярлыки, яркіе до поразительности. Хлестаковъ, Ноздревъ, Плюшкинъ, Собакевичъ и другіе герои его поэмы стали нарицательными именами, обратились въ прозвища. Какъ великій талантъ, Гоголь въ своихъ произведеніяхъ не бралъ рѣзкія исключенія или выдающіяся лица и событія, но рисовалъ ярко обыденныя черты характеровъ, что ежеминутно двигалось предъ глазами, всю дрянъ пошлой дѣйствительности, „всю страшную потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь“. Въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ Гоголь такъ „опредѣляетъ себя самого какъ писателя“. „Обо мнѣ—говорить онъ—много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее и котораго, точно, нѣтъ у другихъ писателей“ ¹⁾. О мотивахъ и направленіи художественной дѣятельности Гоголя въ петербургскую пору его жизни мы имѣемъ свидѣтельство П. В. Анненкова, который хорошо зналъ Гоголя съ самаго начала тридцатыхъ годовъ. „Важнѣе всего—говоритъ Анненковъ—была въ Гоголѣ та мысль, которую онъ приносилъ съ собою въ это время (въ петербургскій

¹⁾ Статья XVIII: „Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу „Мертвыхъ Душъ“, Сочин., т. 5-я, изд. 11-е, редакція Н. С. Тихоноврова, СПб. 1893, стр. 94.

періодъ) повсюду. Мы говоримъ объ энергическомъ пониманіи вреда, производимаго пошлостью, лѣнью, потворствомъ злу съ одной стороны, и грубымъ самодовольствомъ, кичливостью и ничтожествомъ моральныхъ основаній съ другой. Въ его преслѣдованіи темныхъ сторонъ человѣческаго существованія была страсть, которая и составляла истинное нравственное выраженіе его фізіономіи. Онъ и не думалъ еще тогда представлять свою дѣятельность, какъ подвигъ личнаго совершенствованія, да и никто изъ знавшихъ его не согласится видѣть въ ней намеки на какое-либо страданіе, томленіе, жажду примиренія и пр. Онъ ненавидѣлъ пошлость откровенно, и наносилъ ей удары, къ какимъ только была способна его рука, съ единственной цѣлью: потрясти ее, если можно, въ основаніи... Честь безкорыстной борьбы за добро, во имя только самого добра и по одному только отвращенію къ извращенной и опошленной жизни, должна быть удержана за Гоголемъ этой эпохи, даже и противъ него самого, если бы нужно было¹⁾... Сюжеты петербургскихъ повѣстей Гоголя были очень разнообразны: исторія мелкаго чиновника, у котораго украли шинель; фантастическое повѣствованіе о коллежскомъ ассессорѣ или майорѣ, у котораго пропалъ, а потомъ нашелся, носъ; исторіи художниковъ, предъ которыми стоялъ вопросъ о требованіяхъ искусства; шутовская исторія о помѣщикѣ, который въ пьяномъ видѣ зазвалъ къ себѣ въ гости господъ офицеровъ, но забылъ объ этомъ, и когда они пріѣхали, спрятался отъ нихъ въ коляску; потрясающая исторія другого мелкаго чиновника, который сошелъ съ ума на томъ, что онъ испанскій король, — но въ эти темы вложено такое множество реальныхъ подробностей, столько глубокой психологической пронизательности, столько изобличенія господствующей людской пошлости, что эти повѣсти производили необычайно сильное впечатлѣніе на общество и среди высокаго художественнаго наслажденія воспитывали теплое человѣчное чувство и общественное сознаніе. „Ревизоръ“ и другія комедіи Гоголя выросли на той же почвѣ, что и повѣсти: это было въ области художества наблюденіе бытовой мелочности и

¹⁾ Воспоминанія и критическіе очерки (1849—1868). Отд. 1. Спб. 1877 стр. 190 (статья: „Н. В. Гоголь въ Римѣ, лѣтомъ 1841 г.).

пошлости, которая была въ концѣ концовъ невѣжествомъ и несправедливостью. Наконецъ, поэма „Мертвыя Души“, (томъ первый) окончательно утвердила въ почитателяхъ Гоголя представленіе объ особенностяхъ его великаго таланта и о томъ значеніи, какое должно принадлежать ему въ судьбахъ русской литературы, въ которой онъ явился новымъ послѣ Пушкина великимъ преобразователемъ. Такъ именно повяли значеніе Гоголя современные ему критики. Бѣлинскій еще въ 1835 г., въ разборѣ повѣстей Гоголя, назвалъ его „главою литературы, главою поэтовъ“, а въ „Мертвыхъ Душахъ“, по Бѣлинскому, Гоголь „сдѣлалъ такой великій шагъ, что все, доселѣ имъ написанное, кажется слабымъ и блѣднымъ въ сравненіи съ ними ¹⁾“. По взгляду Валеріана Майкова, художественная дѣятельность Гоголя стала поворотнымъ пунктомъ въ развитіи русской литературы ²⁾. „Новая стезя—говоритъ Аполлонъ Григорьевъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ — пробивается гениемъ, и только расширяется, очищается талантами. Такимъ гениемъ литературной эпохи, которую переживаемъ мы до сихъ поръ, по всей справедливости можетъ быть названъ Гоголь. Все, что есть дѣйствительно живого въ явленіяхъ современной изящной словесности, идетъ отъ него, поясняетъ его, или даже поясняется имъ. Цѣльная, полная художественная натура Гоголя, такъ сказать, развѣтвляется въ различныхъ сторонахъ современной словесности... Отъ Гоголя ведетъ свое начало весь тотъ многообразный, болѣе или менѣе удачный разносторонній анализъ явленій повседневной, окружающей насъ дѣйствительности,—стремленіе къ которому составляетъ собою законъ настоящаго литературнаго прогресса: все, что есть живого въ произведеніяхъ современной словесности, отсюда ведетъ свое начало ³⁾“. Особенно увлечена была художественными произведеніями Гоголя современная моло-

¹⁾ Сочиненія, ч. I, М. 1859, стр. 238 и ч. 6, 1860, стр. 407.

²⁾ Критическіе опыты (1845—47), СПб. 1889, стр. 4: „Неслыханная оригинальность „Мертвыхъ Душъ“ до того изумила всѣхъ, что почти никто (изъ критиковъ) не рѣшился сразу признать въ нихъ исполненіе общихъ законовъ художественности. А между тѣмъ сочувствіе къ гоголевской манерѣ быстро возросло и дало начало новой школѣ искусства и критики“ (статья „А. В. Кольцовъ“).

³⁾ Сочиненія, т. 1, Спб. 1876, стр. 8 и 21 (статья „Русская литература въ 1851 году“,—изъ „Москвитянина“, 1852 г.).

дежь. Вотъ что замѣтилъ питомецъ училища правовѣдѣнія конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ. „Новое поколѣнiе подняло великаго писателя на щитахъ съ первой же минуты его появленiя. Тогдашнiй восторгъ отъ Гоголя ни съ чѣмъ несравнимъ. Его всюду читали точно запоемъ. Необыкновенность содержанiя, выпуклость типовъ, небывалый, неслышанный по естественности языкъ, отроду еще неизвѣстный никому юморъ — все это дѣйствовало просто опьяняющимъ образомъ. Съ Гоголя водворился въ Россiи совершенно новый языкъ; онъ безгранично нравился своей простотой, силой, мѣткостью, поразительною бойкостью и близостью къ натурѣ. Всѣ гоголевскiе обороты, выраженiя быстро вошли во всеобщее употребленiе ¹⁾“. Любопытенъ разсказъ Достоевскаго о томъ, какъ во время его юности молодежь читала „Мертвыя Души“: „придетъ-бывало одинъ прiятель къ другому, поговорить о томъ, о семъ, увидить на столѣ „Похожденiя Чичикова“ и давай читать въ пятидесятый разъ; гость устанетъ, книгу возьметъ хозяинъ и продолжаетъ чтенiе, и такъ до 3—4 час. утра“. Великое достоинство и значенiе художественныхъ произведенiй Гоголя давно оцѣнила и признала исторiя русской литературы. Она признала, что влiянiе Гоголя отразилось на блестящей плеядѣ нашихъ писателей сороковыхъ годовъ — Тургеневъ, Достоевскомъ, Гончаровъ, Писемскомъ, Григоровичъ, Островскомъ и др. Они не только, такъ сказать, вышли прямо изъ Гоголя, но и вся ихъ литературная дѣятельность является такъ или иначе продолженiемъ и развѣтвленiемъ Гоголя. Гоголь—признанный основатель и глава новаго перiода русской литературы. „Гоголь умеръ!—писалъ Тургеневъ подъ впечатлѣнiемъ извѣстiя о смерти нашего писателя.—Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова?.. Да, онъ умеръ, этотъ человекъ, котораго мы теперь имѣемъ право, горькое право, данное намъ смертiю, назвать великимъ; человекъ, который своимъ именемъ означилъ эпоху въ исторiи нашей литературы; человекъ, которымъ мы гордимся, какъ одной изъ славъ нашихъ“!

Г. Воскресенскiй.

8 марта
1902 г.

¹⁾ Русская Старина, 1881 г., т. 30-й, стр. 414—415 (статья В. Стасова „Училище правовѣдѣнія сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ 1836—1842 г.г.).